

"Райский Сад"

Садомский Юрий

Киноповесть

0+

Юрий Садомский
Райский Сад

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Садомский Ю. В.

Райский Сад / Ю. В. Садомский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Киноповесть. Парабола. Притча. О чём она? О современном укладе жизни, воспитании, причинах и следствиях...

© Садомский Ю. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Киноповесть

Глава первая

Птицы подлетали стремительно. Из предрассветной дымки, из клубящихся испарений моря, они налетали несколькими стройными и строгими шеренгами, плавно опускались в камышовые заросли и исчезали в них.

Ева, не мигая, смотрела на летящих птиц. Лицо её было неподвижно и бесстрастно, только распущенные волосы чуть шевелились под ленивым дыханием предрассветной прохлады и ночная сорочка крепче прижималась к худенькому юному телу.

Ева закрыла глаза, сделала несколько шагов вдоль крыши веранды и, не открывая глаз, повернулась и пошла к открытому окну комнаты, перешагнула подоконник, и скрылась в тёмном проёме.

Окно другой комнаты мерцало тусклым светом. Там, за столом, заваленным чертежами и графическими рисунками, сидит пожилой человек. Уронив голову на лист ватмана, он нетрезво похрапывает. За окном предрассветная птица что-то требовательно прощепетала. Человек оторвал голову от стола, протёр ладонями лицо, потянулся, погасил настольную лампу, и побрёл в соседнюю комнату...

...Рассвет уверенно пропитывал первыми лучами Ботанический сад. Силуэты огромных деревьев всё чётче прорабатывались солнечным проявителем, причудливые цветы и кустарник истекали каплями росы. Сад пробуждался птичьим гомоном, солнечными бликами, которые проникали во все потаённые места.

Сноп солнечного света ломился в окна двухэтажного, строения на территории Сада, с большой верандой. Строение имело явно вековой возраст, но оставалось крепеньким, добротным и даже щеголеватым.

В небольшой комнате на двуспальной кровати проснулась женщина. Она выпростала из-под одеяла руки, сонно потянулась и посмотрела на, лежащего рядом пожилого мужчину. Резко поднялась с кровати, ещё раз потянулась, как бы приводя в порядок своё стройное, ещё молодое тело, и пружинисто пошла из комнаты...

В небольшом закутке, приспособленном под ванную, женщина сбросила ночную сорочку и, одно за другим, вылила на себя два ведра холодной воды. Улыбка блаженства появилась на её, несомненно, привлекательном лице, набросив махровую простыню, она энергично стала растираться.

Мужчина продолжал спать. В комнату вошла женщина, уже в халате, тщательно вытирая голову полотенцем.

– Вставай! Алкашик мой ненаглядный... – сказала она, направляясь в другую комнату... Мужчина продолжал спать, блаженно прикрываясь рукой от солнечных зайчиков, ползающих по лицу... В дверном проёме опять появилась женщина с феном в руках:

– Кот!.. Котяра! – энергично говорила она, суша голову феном. – Сейчас поздравители заявятся. Надо проявить учтивость. Вставай, шалопай!.. – она скрылась в другой комнате.

Мужчина открыл глаза, задвигал мышцами лица, разминая их, затем лениво встал, позёвывая и почесываясь, подошёл к окну, и вдруг крикнув «Полундра!» прыгнул через подоконник в окно.

Женщина, отодвинув на столе чертежи и эскизы, насыпает в чашки кофе, наливает кипятка. Смотрит в окно, где видна поднимающаяся и исчезающая голова приседающего, по-видимому, Кота.

– Кот, – говорит женщина – вы с Евой всё-таки продадите крышу веранды. Заканчивай физкультуру, иди пить кофе...

– Полундра-а! – раздаётся откуда-то снизу вопль Кота. Женщина выглядывает в окно. На земле, рядом с верандой Кот поливает себя водой из поливочного шланга, радостно охая и фыркая.

– Труссы измочишь... – говорит женщина.

– Выкручу! – доносится снизу голос Кота.

Женщина маленькими глоточками пьёт кофе, присев на край огромного стола, на котором стоит макет причудливого здания, окружённого макетами каких-то аттракционов и небольших сооружений. Рядом навалены чертежи, эскизы, свёрнутые в рулоны листы ватмана. Она обводит взглядом комнату. На стенах эскизы зданий, фотографии, свеженький плакат, на котором изображена хозяйка комнаты, внизу броская алая надпись «Динара Залмановская – наш кандидат»

Вбегает Кот, блестя каплями воды, хватая чашку с кофе, торопливо глотает...

– Динка! – говорит он. Помнишь анекдот, когда жена новоиспеченного президента говорит «Дорогой, ты когда-нибудь спал с президентшей?» Так и я; первая ночь с депутатшей.

Динара проводит ладонью по его лицу, стирая капли воды.

– Ты даже не заметил, как сменил ориентацию. Ты спал не с депутатшей, а с депутатом. Послушай, Кот, у Евы опять...

– Что, опять?

– Лунатизм. Ночью бродила по крыше веранды. Это очень опасно.

– Погоди... Но, доктор Ванник обещал; с половой зрелостью должно пройти? И несколько лет не было случаев... Да, может ей просто не спалось и она...

– Не думаю. Я видела её лицо, всё как тех случаях. Я полагаю, Кот, ей пора замуж. Понимаешь? Мужчине ей нужен, муж или любовник, в данной ситуации не важно, тогда прогноз доктора Ванника полностью оправдается... даст Бог. Она ведь у нас не целованная. Ладно! Об этом позже, надо идти пред очи народа. Приводи себя в порядок и поспешай за мной. Этикет надобно блюсти...

Зрелое утро в Ботаническом саду. Чёрные провалы теней от вековых деревьев перемежаются с яркими, залитыми солнечным жаром полянами с некошеной травой.

По неширокой, посыпанной песком, дорожке торопливо идёт Динара, в нарядном, но строгом платье, с торжественной, несколько лукавой улыбкой. На изгибе дорожки, из густой тени кипариса перед ней вырастает фигура в священническом одеянии. Чуть поодаль видна ещё одна, более юная, но тоже в рясе.

– Здравствуйте, соседка!.. – ласковым басом говорит священник. Позвольте поприветствовать Вас и поздравить с всенародным избранием. А так же позвольте отнять у Вас несколько драгоценных минут для краткой беседы. Знаю, в «Райском саду» столпотворение жаждущих изъяснить свои поздравления и восторг, сам бы рад быть среди почитателей, но, как понимаете, сан не позволяет. Посему, соблаговолите не отказать в кратком разговоре, надеюсь обоюдно полезном.

– Хорошо, отец Серафим. Но, только действительно кратко, люди, как Вы заметили, ждут.

– Присядемте... – Отец Серафим усаживает Динару на скамеечку. – Вам, конечно, ведомо, что в южной части Сада находилось кладбище нашего монастыря, настоятелем которого я имею честь состоять?

– Ведомо, Отец Серафим.

– Вот, я хотел спросить, как бы Вы отнеслись к моей нижайшей просьбе вернуть монастырю эту часть?

Динара улыбнулась.

– Отец Серафим... Виктор Павлович... мы с Вами знакомы не первый год, а с тех пор, когда Вы работали в горкоме комсомола, и Вы прекрасно знаете, что я государственный слу-

жащий, а не собственник и не могу, и не в силах отдавать собственность государственного университета...

– Мы Вас избрали депутатом, отныне Ваши возможности неизмеримо выросли... Позвольте быть откровенным? Мне известно, а Вам тем более, что средства, выделяемые на содержание Ботанического сада и на научную работу внутри его – мизерны. Более того, власть-придержавные не будут способствовать привлечению средств, для вашего многотрудного и полезнейшего дела. Причина ясна: Сад находится в приморской зоне столь притягательной для толстосумов.

– Всё понятно, Виктор Павлович! – прерывает его Динара – Дальнейшее банкротство, и распродажа территории за бесценок. Но, для того я и боролась за депутатское кресло в горсовете, что бы не допустить этого.

– Понимаю Ваши благие побуждения. – Отец Серафим вздохнул. – Но не одолеть Вам всех супостатов. Вы, верно, изволили заметить, я был в этой стае и, поверьте, знаю их волчьи нравы. Они добычу не выпустят.

– Что, верно, то верно... – Динара чуть заметно улыбнулась. – Отец Серафим, будьте откровенны до конца. А вам то зачем моя территория? Не поверю, что опять под кладбище.

– И правильно сделаете. В трапезной у нас большая нужда. Послушников число значительно прибавилось, духовная семинария при нас, так же числом растёт, а пищу принимаем Бог знает где, в подвальном помещении под храмом. Бог даст, решим с Вашей помощью вопрос о возвращении земельки её исконному владельцу – построим трапезную и два – три флигелёчка для проживания священнослужителей.

– Для Вас в том числе?

Отец Серафим внимательно заглянул в глаза Динаре.

– Вам, голубушка, следует знать одно, церковь умеет быть благодарной как никто другой. А сейчас позвольте представить... – он подзывает рукой, стоящего в невеликом, молодого человека – Представься!..

– Семинарист Николай, госпожа Залмановская. – скромно потупившись, говорит юноша.

– погоди! – прерывает отец Серафим, и обращается к Динаре – Николай перед поступлением в духовную семинарию окончил курс юриспруденции нашего с вами университета. Сейчас, помимо учёбы, консультирует церковь в вопросах гражданского права. Продолжай... – кивает он Николаю.

– Госпожа Залмановская, я недавно просмотрел кадастр монастырских земель. Южный участок Ботанического сада, согласно документу, принадлежит монастырю. Вам знаком этот документ?

– Знаком. Понаслышке. А не вспомните ли, какой датой помечен документ?

– Январём девятьсот двенадцатого года. Я понимаю суть Вашего вопроса, – Николай открыто посмотрел на Динару, – мол, документ устаревший... Но, подобные документы со сроком давности свою силу не утрачивают.

Динара с изумлением перевела взгляд с Николая на отца Серафима.

– И вы всерьёз полагаете, что эта бумага времён царя Гороха способна решить вопрос отчуждения земли государственного учреждения в вашу пользу? Сомневаюсь, что она вам поможет...

– Она Вам поможет. – мягко сказал отец Серафим – Да, да, голубушка, она Вам поможет передать монастырю принадлежащую ему землю.

– Ну, ладно, господа. – Динара поднялась – Надеюсь, вы догадываетесь, каковым будет мой ответ. Прошу прощения, но мне пора... – она сделала несколько шагов в сторону, но, вдруг, повернулась к отцу Серафиму – Хоть, кто знает, батюшка. Пути Господни неисповедимы, не так ли? – Динара зашагала по дорожке.

Кафе «Райский сад» располагалось у входа в Ботанический сад. Раньше это было одно из его служебных помещений, а теперь,.. ветры хозрасчётных перемен – и получилось кафе «Райский сад»

Динара по дорожке подходила к служебному входу в кафе, как вдруг раздался выстрел, и в небо взлетела ракета, ещё выстрел и ещё ракета. У служебного входа в кафе стоял морской офицер и из пистолета-ракетницы палил в воздух.

– Саша, не хулигань! – крикнула Динара. – Матросики твои сбегутся...

Офицер заткнул за пояс ракетницу, подбежал к Динаре, подхватил её на руки и бегом внёс в кафе...

Кафе гудело множеством голосов. Когда офицер Саша внёс Динару, гул многократно усилился, гости встали из-за столиков, улыбки, улыбки... Саша, с ходу, поставил Динару на ближайший столик.

– Новоизбранный депутат доставлен! Докладывает капитан-лейтенант пограничной службы Александр Осокин! Ура! Господа!..

– Ура-а! – весело закричали присутствующие.

– Спасибо, господа! – сияла улыбкой Динара. Не знаю, как благодарить вас за такую честь... Для начала, у меня большая просьба, уговорите великовозрастного шалопаю – она показывает на Сашу – снять меня с этого пьедестала.

– А тронная речь?! – возмущается Саша – Динара Султановна, подданные ждут. Иначе нельзя, иначе непорядок...

– Ну, хорошо... – Динара жестом останавливает, поддерживающие Сашу, выкрики. – Я признательна вам, моим друзьям и коллегам, я признательна всем, кто поверил мне и удостоил чести представлять интересы тысяч людей в нашем городском парламенте. Надеюсь, я не дам оснований попрекнуть меня в бездействии или невнимании к людям. Ещё раз, спасибо вам, друзья мои!

Все аплодируют, в это время открывается дверь и входит Кот. Выбритый, в отутюженной безрукавке, в потёртых джинсах. Динара, увидев его, озаряется улыбкой:

– Внимание, господа!.. Я ещё не кончила. – перекрикивает она ликующие аплодисменты. – Сейчас хочу представить своего мужа, для тех, кто с ним не знаком. Иди сюда! – подзывает она Кота. – Прошу любить и жаловать, Лев Григорьевич Залмановский, мой любимый и почитаемый муж, достойный человек, и талантливый архитектор. И теперь я обойдусь без помощи Саши-сорванца, меня снимет мой муж! – Она опирается о плечё Кота, он подхватывает её и опускает на пол. – А сейчас гуляем!.. – весело кричит Динара. – Шампанского всем!

Хлопки, откупориваемых, бутылок, Динару и Кота окружают гости, чокаются с ними...

– Поздравляю с успехом жены, прекрасной женщины и красавицы. – воркует седовласый мужчина, дотрагиваясь бокалом до бокала Кота.

– Если хотите со мной дружить, называйте меня просто Кот. – Улыбается в ответ Кот – Мне так привычнее...

Динара дружелюбно улыбается всем, с некоторыми обнимается и целуется. Гости пьют шампанское, закусывают, стоящими на столах фруктами и сладостями... Динара оживлённо беседует с двумя немолодыми дамами... «Мама...» доносится до неё голос. Динара поворачивается, ищет взглядом среди движущихся силуэтов гостей, и видит, стоящую у дверей, Еву.

– Мама,.. – говорит Ева, подходящей Динаре – я кушать хочу...

– Девочка моя!.. – Динара обнимает Еву. – Ох, какая мать у тебя!.. Бросила голодную дочурку, и пошла себе.... Попросим тётю Катю, она тебе бутерброды сделает... Друзья! – обращается Динара к гостям – Главное достижение моей жизни – моя доченька Ева. Вот она моя красавица! Третьекурсница, да что я говорю, уже четвёртый курс физмата...

Подходит дородная, немолодая дама, улыбаясь, забирает у Динары Еву...

– Пойдём, Евушка, я тебя покормлю...

Кот обходит гостей с бутылкой шампанского, наливает всем, пьёт с каждым..., Динара стоит в окружении возбуждённых гостей... К ней проталкивается с бокалом Осокин.

– Динара Султановна, надеюсь, Вы меня простили? Я ж, любя, по-соседски...

– Вот, что, соседка! Сегодня на рассвете птицы вернулись на гнездовье, ты догадываешься, к чему я веду? – И, не дожидаясь ответа, поворачивается к собеседникам. – Послал Бог соседей, – смеётся она – с одной стороны аскетичные монахи, с другой – буйные пограничники...

Ева в подсобном помещении кафе ест бутерброды с чаем, дородная Катя возится у плиты, из гостевого зала доносятся возбуждённые голоса, смех.

– Тётя Катя, – говорит Ева – чего они так шумят?

– Радуются успеху твоей мамы.

– Ничему они не радуются. Они глупые и злые...

– С чего ты взяла?

– Потому, что так не радуются.

– А как?.. – недоумённо поворачивается к ней Катя.

Ева дожёвывает бутерброд, допивает чай, встаёт.

– Спасибо тётя Катя! Я пошла. – Она направляется к двери, в проёме останавливается. – Так не радуются, – повторяет она – радуются иначе... тише, что ли...

Ева идёт по Саду. Он заполнен птичьим гомоном, стрекотом мошкар. Множество солнечных бликов ползают по хрупкой фигурке Евы, заползают в глаза, уши, рот. Ева улыбается, встряхивает головой, пытаясь стряхнуть с себя ликующих зайчиков... Навстречу идёт молодой человек с саквояжем в руке.

– Привет, Дима! – говорит Ева.

– Здравствуй, студентка! – Молодой человек останавливается. – Ну, что, покурим?

– Давай... – Они присаживаются на скамейку, Дима достаёт сигареты, протягивает Еве.

– Ты знаешь, я не курю, – морщится Ева.

– Мало ли... может начала. – Дима закуривает. – А, знаешь... – он неторопливо, с удовольствием выпускает дым – птицы прилетели...

– Правда!? – Ева радостно болтает ногами. – Здорово! Пойду на них смотреть. А почему ты маму не поздравляешь?

– Не люблю лицемерные тусовки. Набежало шакальё, каждый урвать норовит...

– От мамы они ничего не добьются.

– Добьются. Не мытьём, так катаньем. Человек слаб, даже такая женщина, как Динара Султановна.

– Дима... – Ева кокетливо свесила голову набок. – А почему ты не женишься? Не надоело с микробами возиться?

– Микробы... Микробы – моё счастье... или несчастье... на них, увы, не заработаешь. Вот, как заработаю, каким-то образом, пойду к Динаре Султановне.

– Зачем? – Ева активнее заболтала ногами.

– Просить твоей руки.

– Правда? – Она искоса заглянула ему в лицо. – И я стану твоей невестой?

– Станешь. Если не выскочишь замуж, пока я буду искать богатство, за бравого морячка Сашу Осокина, к примеру... Хотя есть у меня одна идея...

– Дима. – Не перестаёт болтать ногами Ева. – А регата скоро?

– Скоро... – задумчиво отвечает Дима.

– Возьмёшь меня матросом?

– Возьму. Если на тренировки ходить будешь.

– Ладно! – Ева вскакивает со скамейки. – Я пошла... Маму, всё-таки поздравь. – оборачивается она на ходу.

Ева спускается по обрывистому склону к камышовым зарослям. Рядом невидимый журчит ручей, сбегающий к морю. Ева осторожно подбирается к озерцу, образованному ручьём, сквозь заросли камыша вглядывается в озеро, ища глазами птиц. Вот они, парами и поодиночке неторопливо плывут вдоль кромки озера, изредка что-то бормоча.

Ева, затаив дыхание, наблюдает за ними, затем тихонечко отступает назад и идёт вверх по склону...

По скрипучей лестнице Ева поднимается в дом. Из коридора видит комнату. Там за столом сидит, подвыпивший, Кот. Закрыв глаза, откинувшись на спинку стула, он что-то мурлычет себе под нос.

– Папа! – говорит, входя, Ева.

– Что? – отвечает Кот, не открывая глаз.

Ева, молча, подходит к столу, водит пальцем по контурам макетов, обойдя стол, кладёт руки на плечи отца.

– Папа... – Ещё раз говорит она.

Кот вопросительно открывает один глаз.

– Папа... А почему ты всё время читаешь одни и те же книжки?... И все про войну?

Кот расслабленно улыбается.

– Не знаю, дружок. Нравится... – Он опять закрывает глаза, что-то мурлычет. – Раньше читал много и разное, а сейчас... Знаешь, дружок, героики, должно быть, не хватает. Динамики много, напряжения – хоть отбавляй, но всё, как-то бескрыло, без полёта... Нет! – вздыхает он. – «Нет, ребята, всё не так, всё не так, ребята...»

– А мама?

– Мама? Мама – свет в окошке... «Мама, мама, это я дежурю, я дежурный по апрелю...» – напевая, Кот поднялся и, чуть качнувшись, пошёл к окну. Прислонившись к оконной раме и глядя куда-то в сторону моря, Кот улыбается...

... Промозглый зимний вечер конца пятидесятых. Два подростка в коротеньких полу пальто с поднятыми воротниками бесцельно бредут по городу.

– Послушай, Кот!.. – поёживаясь от холода, говорит один. – Может по домам? Жрать охота, а денег ни копейки.

– Да, что дома!? «Юность» всю прочитал, а уроки... так гори они синим пламенем! Провырнёмся ещё чуток...

Они подходят к освещённому входу в театр. Видно как фойе толпятся зрители, двери на улицу полуоткрыты, несколько мужчин, несмотря на холод, вышли покурить.

– «Евгений Онегин» – читает афишу Кот – Антракт, должно быть... Слушай, Витёк! – неожиданно говорит он – Давай в театр проканаем? Там тепло, и музыка играет...

– Ну... давай... – соглашается Витёк.

Они подходят к дверям, снимают пальто, засовывают кепки в рукава и, прячась за спинами толпящихся у дверей зрителей, проскальзывают в фойе.

– Давай в буфет до конца антракта! – шепчет Витёк – Там билетёрши нас не заметят...

Дружки заскакивают в буфет. В нём очередь перед стойкой, у столиков торопливо дожевывают, допивают, обмениваются впечатлением... Взгляд Кота останавливается на стоящем в углу буфета штабеле ящиков с пустыми бутылками. Кот смотрит на Витёка, тот, оглянувшись по сторонам, понимающе и согласно кивает. Они пробираются к штабелю, прикрывая друг друга, незаметно вынимают из ящиков по пустой бутылке из-под Шампанского и запихивают за пояс брюк, прикрыв лапами пиджаков. Звенит третий звонок. Буфет стремительно пустеет. Кот и Витёк поднимаются по мраморной лестнице на галёрку. Там незанятые места ещё есть,

но они опасливо садятся на ступеньки, сбегающие к первому ряду галёрки. Ступеньки крутые, с привинченной на их края бронзовой окантовкой.

Медленно убирается свет в зале, из оркестровой ямы показывается плешивая голова дирижёра. Её приветствуют аплодисментами. Взлетают руки с дирижёрской палочкой – вступает оркестр... Витёк приподнялся со ступеньки, нащупал в полутьме свободное место подле себя, пытается на него сесть. От неосторожного движения у него из-за пояса выскальзывает бутылка, падает на ступеньку и с грохотом устремляется вниз. Кот испугано вскакивает и у него из брюк выскальзывает бутылка, и скачет по окантованным ступенькам вслед за первой. В зале с прекрасной акустикой раздаётся неимоверный грохот от скачущих по ступенькам бутылок, несколько женщин испуганно кричат, дирижёрская голова вжалась в плечи и палочка безжизненно повисла в воздухе, звучание оркестра захлебнулось и поспешно стихло...

– Бежим!.. – сдавленным шёпотом крикнул Кот, и они понеслись вверх по ступенькам к дверям.

В коридоре с разных сторон к ним уже семенили пожилые билетёрши. Кот и Витёк прошмыгнули мимо них, выскочили в двери и помчались в нижнее фойе. Несясь вниз, они слышали возмущённый гул зала. В нижнем фойе бросились к входным дверям. Первые двери были открыты. Они уже в тамбуре между первыми и вторыми дверьми... Дружно навалились на вторую дверь, но... она была заперта. Позади раздались характерные щелчки, оглянувшись, они увидели сквозь стекло двери как рослая мясистая билетёрша поворачивает ключ в дверном замке. Они оказались запертыми в дверном тамбуре.

– Влипли... – косо усмехнулся Кот.

– Точно влипли. – тоскливо согласился Витёк – Надо было по домам идти...

Сквозь оконное стекло видно, как несколько билетёрш о чём-то переговариваются, оживлённо жестикулируя. К ним стремительно подошёл пожилой мужчина небольшого росточка. Он им дал, по-видимому, какое-то указание, повернулся и, размахивая лапами пиджака, так же стремительно удалился. Билетёрши, во главе с мясистой, подошли к двери, за которой томились Кот с Витьком. Мясистая отперла дверь, билетёрши дружно ввалились в тамбур и, схватив Витьку и Кота за шиворот, а Кота мясистая даже ухватила за ухо, и потащили из тамбура.

– Негодяи!.. Конченные негодяи!.. – ядовито шипела по дороге мясистая.

Дверь с надписью «Главный администратор» была открыта, в неё втолкнули Витьку и Кота. В комнате нервно расхаживал недавно виденный ими мужчина. При виде нарушителей, он остановился, гневно взирая на потупившихся юнцов и покачиваясь с пятки на носок.

– Вот, Ефим Маркович! Привели негодяев... – выдохнула мясистая.

– Хорошо! – сверкнул глазами главный администратор – Идите на свои места, милиция я уже вызвал.

– Вдруг сбегут!? – засомневалась мясистая.

– Не сбегут! От меня ещё никто не сбегал! – закричал администратор – Тем более все двери заперты! Я им покажу!.. Пусть только попробуют!..

Билетёрши поспешно удалились, закрыв за собой дверь. Администратор продолжал гневно смотреть на провинившихся.

– Вы мерзавцы!.. опять закричал он – Это я вам говорю! Вы форменные мерзавцы! Вы чуть не сорвали спектакль, вы понимаете, что это означает? Это означает, что вы мерзавцы! Вы пришли в театр! В наш театр! В храм! Вам дают Чайковского, а вы что?.. Для чего вы пришли? Я вас спрашиваю!? – взвизгнул администратор.

Кот и Витёк понуро молчали, не поднимая глаз.

– Зачем вы это сделали? – продолжал администратор – Что за пустые бутылки, где вы их взяли, зачем они вам?

– В буфете взяли... – угрюмо буркнул Витёк.

– Как в буфете? В нашем буфете!? Украли!? Вы воры!? Но почему пустые бутылки!?

– Хотели сдать и купить пирожки.

– Какие пирожки? Вы, что... голодные?

Ни Витёк, ни Кот не поднимают глаз.

– Боже! Они голодные! Голодные дети... – засуетился администратор – Какой кошмар!.. – он суетливо забегал по комнате, неожиданно сунул руку в карман брюк, вынул деньги.

– Вот! Возьмите и идите купите себе порожков... – опять закричал он – Идите к чёртовой матери, пока милиция не пришла!.. – Он вытолкал их из комнаты, засеменил к входной двери, открыл её своим ключом.

– Мерзавцы! Пошли вон! Только попробуйте ещё показаться мне на глаза!..

Кот и Витёк оказались на улице. Они оторопело посмотрели друг на друга.

– Быстро линяем, мусора на подходе... – сказал Кот, и они побежали, на ходу одевая пальто...

– Кот!.. – перешёл на шаг запыхавшийся Витёк – Он ненормальный,.. он конченный псих...

– Ты про этого чудика?

– Его самого. Погляди... – Витёк разжал ладонь и показал Коту пять рублей – Представляешь!? Пятачок! Это ж нам хватит и хватит!..

– Бежим в гастроном! – разгорячился Кот – через пятнадцать минут закрывают...

Приятно и легко бежать Коту и Витьку отягощёнными и окрылёнными пятью рублями. Ловко лавируя между прохожими, перескакивая через лужи, перебрасываясь прибаутками: – «Мир не без добрых людей», «На чудаках земля держится» – юнцы подлетают к гастроному. Просмыгнув мимо уборщицы, норовившей закрывать дверь магазина, они скрылись в его чреве...

Сквозь окна гастронома видно как Кот и Витёк перебегают от прилавка к прилавку, разыскивая что-то и покупая что-то... Они вышли довольные собой, держа в руках по бутылке лимонада.

– Ну, что? Покурим здесь? – великодушно проронил Кот, вынимая из кармана пачку болгарских сигарет «Тракия».

– Вон двенадцатый идёт! – отозвался Витёк – Подъедем ко мне, там и покурим...

Они впрыгивают в трамвай. В трамвае большая группа молодёжи с рюкзаками, чемоданами оживлённо и громко переговариваются, несколько человек под аккомпанемент гитары напевают «Подмосковные вечера»...

– Эй, хлопчики!.. – кричит со своего места кондукторша, обращаясь к Коту и Витьку – Передавайте на билеты!..

– Не шумите, тётя! – отвечает ей парень в кепке с заливхватски выпущенным из-под неё чубом – Это наши пацаны! Наши,.. целинники будущие...

– Что ты мне голову дуришь! – огрызается кондукторша – Я же видела, что они только сейчас сели!..

– Ну и что!? – подхватывает стоящая рядом с Чубатым девушка – Они тут рядом живут, нас поджидали, сейчас присоединились к группе, а за группу уплачено...

Кондукторша недоверчиво покачала головой и уселась на своё место.

– Ну, что?.. – улыбнулся парень в ватнике, сверкнув золотым зубом – С вас причитается. Дай попить! – он протянул руку к бутылке Кота.

Кот с сожалением дал бутылку. Фиксатый ловко открыл её зубами, прильнул к горлышку.

– Отдай бутылку мальчишкам! Чего присосался!?!.. – раздражённо сказала девушка. Фиксатый искоса недобро глянул на неё, но бутылку вернул.

– А вы правда на Целину едете? – спросил Витёк.

– Какие уж тут шутки. – улыбнулся Чубатый – По комсомольским путёвкам едем в Казахстан поднимать, как говорится, целинные и залежные. Так, что присоединяйтесь...

– Да, они ещё школьники. – вмешалась девушка. – Какой класс? – она оценивающе оглядела Витьку и Кота.

– Десятый, последний... – живо отреагировал Витёк – А, вообще, здорово! Целина! Простор! Свобода!..

– Получите аттестат, пойдите в райком комсомола, попроситесь на Целину. – говорит девушка – Думаю, не откажут. На Целине и специальность приобретёте.

– Такие на Целину не ездят... – заблестел зубом Фиксатый – Там для них слишком холодно.

– Ты про что? – напрягся Кот.

– Да про то!.. – пристально глянул на него Фиксатый «Мы ребята молодцы, у нас обрезаны концы...» Вот про это...

Закрой рот, Примаков! – оборвала его девушка – Тоже, доброволец выискался! Сам знаешь, куда вместо Целины мог отправиться...

«Едемте, друзья, в дальние края...» – грянула группа впереди – «Станем новосёлами и ты и я!» подхватила девушка и Чубатый...

Трамвай подъезжал к привокзальной площади. Перед зданием вокзала толпа молодёжи, рюкзаки, чемоданы, гитары. На вокзальных ступеньках духовой оркестр играет вальс «Прощание славянки», невидимый оратор через усиление что-то говорит, сквозь хрипы динамиков можно различить: «... Партия доверила нам...», «... наш дорогой Никита Сергеевич убеждён...»

На трамвайной остановке целинники шумно выгружаются из вагона...

– Приезжайте, мальчишки! – повернулась к Коту с Витьком девушка – Прямо в Караганду приезжайте! Спросите Олю Цимбалюк, меня, к тому времени, все в тех краях знать будут. Так что, ждём!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.